«Факультет ненужных вещей»: кафедра этнологии МГУ имени М.В. Ломоносова в постнаучную эпоху

В статье представлен анализ современного положения российской этнологии/антропологии, которое автор характеризует в алармистских тонах как постдисциплинарное, имея в виду разрушение мировоззренческого уровня и серьезный кризис логически-дискурсивного уровня этнологии. Автор предлагает к рассмотрению обобщенный социологический портрет исследователя-этнолога, чей психоэмоциональный профиль составляют растерянность перед лицом экономических проблем, кризис профессиональной идентичности и профессиональное выгорание.

Анализируя положение дел в системе подготовки профессиональных этнологов на примере кафедры этнологии Московского университета, автор закономерно увязывает его с внутридисциплинарными проблемами этнологии/антропологии, а также с общей социально-экономической ситуацией в стране. В отсутствие государственного и общественного запроса на экспертное этнологическое знание, специалисты этнологи и антропологи, которых выпускает кафедра, не могут трудоустроиться. Последнее обстоятельство меняет мотивацию молодых людей, получающих высшее образование, создавая причудливые конфигурации из эмоциональных и квазирациональных императивов. Будучи бессильны перед лицом неблагоприятных внешних социокультурных и экономических обстоятельств, студенты аккумулируют не столько знания, сколько положительные эмоции от принадлежности к университетской корпорации.

Ключевые слова: этнология, социокультурная антропология, этнологическое образование, кафедра этнологии МГУ, постдисциплинарность.

На протяжении без малого тридцати лет сферы науки и образования в России представляют собой полигон перманентного экспериментирования. Причем публичные решения принимают люди, никогда не испытывающие лично на себе их последствий!

В статье представлена «яйная», личностная, а значит, по определению ограниченная картина современного

Соловей

Татьяна Дмитриевна,
доктор исторических наук,
профессор кафедры этнологии
исторического факультета,
Московский государственный
университет имени
М.В. Ломоносова (Москва),
tsolovei19@yandex.ru

состояния этнологии/антропологии в России, а также специфическое личностное видение ее перспектив. К описанию переживаемого момента, с некоторыми оговорками, применимо понятие «автоэтнография» в концептуализации Дэвида Хайано [6].

Люди. Подобно тому как способность медицины врачевать определяют не здания поликлиник и больниц, а люди – доктора и медсестры, лицо науки формируют ученые. Институты, средства коммуникации и техническое оснащение важны, порой критически важны, но только в привязке к человеку.

Таким мне видится обобщенный социологический портрет современного российского исследователя-этнолога в академическом или университетском контексте.

Интеллектуальный слой с готовностью утратил способность рефлексировать свою деятельность в категориях служения и социальной ответственности. Скорость, с которой произошел отказ от идеальных императивов, указывает на то, что «большие смыслы» уже к исходу существования СССР выдохлись, утратив способность мотивировать групповое и индивидуальное поведение. «Новой искренностью» 1990-х стал переход к сугубо прагматической (рыночной или квазирыночной) мотивации [4, с. 315].

Надежда на то, что новым источником легитимации науки могут стать «эффективность и производительность», была поставлена под сомнение уже к исходу 1990-х, прошла через ситуативную «ремиссию» в 2000-е и окончательно похоронена в середине 2010-х годов. Российские университеты, утратив функцию социального института, транслирующего смыслы, ценности и идеалы, превратились в не очень успешный рынок образовательных услуг.

Рынок смог оценить услуги избранных представителей научного и образовательного сообществ, чей интеллектуальный потенциал был подкреплён административными позициями и близостью к источникам финансирования и ресурсам профессиональной коммуникации. Массовый научный работник/преподаватель в рынок не вписался, но функционально необходим, свидетельствуя существование «русской науки» – обязательного элемента социокультурного ландшафта современного государства.

Университетская профессура предоставляет «образовательные услуги», все возрастающие по интенсивности и размерам нагрузки (особенно в связи с переходом на двухступенчатую систему бакалавриат–магистратура) по постыдно низким расценкам. Научно-исследовательская деятельность сотрудников академических институтов, задавленных бессмысленной и беспощадной наукометрией, едва ли может оцениваться в категориях инвестиционной привлекательности.

Истоцился интеллигентский комплекс избранности, иллюзия о нас, как «властителях дум», служивший моральной анестезией и частичной компенсацией мизерабельного материального положения. Невостребованность науки государством в российском контексте означает невостребованность ее обществом. Беспрецедентное для современного мира снижение социального

статуса науки и ученого в России охлаждает пыл даже самых ревностных апологетов собственной интеллектуальной значимости и избранности.

Институциональная структура. «Мы до сих пор проигрываем западным коллегам уровнем развития институциональной структуры, хотя и продвинулись вперед по сравнению с советской эпохой» [5], – утверждает директор ИЭА РАН Д.А. Функ и верифицирует это утверждение количественными данными. До 1991 г. существовало пять кафедр этнографии (Москва, Ленинград, Киев, Тбилиси, Омск), которые являлись и учебными, и научными центрами одновременно. Слабость университетской науки компенсировали Институт этнографии АН, издававший единственный профессиональный орган «Советская этнография», а также музеи. Сейчас, по данным Д.А. Функа, в РФ функционируют около десяти кафедр и 25 журналов (из них три – в системе Scopus). Для сравнения: в Великобритании – около 100 образовательных программ по социальной антропологии в университетах и 81 журнал в системе Scopus (в США таких журналов 119). В бакалавриате по этнологии/антропологии обучается около 200 человек по всей РФ, тогда как в Кельнском университете в бакалавриате кафедры этнологии – 900 человек, а в Вене – 1800 [5].

Но о чем свидетельствуют эти сравнительные данные? Институциональный и кадровый потенциал научной дисциплины определяется характером реализуемых задач, а задачи, в свою очередь, решающим образом зависят от государственного целеполагания и расстановки государственных приоритетов. Этнография в Российской империи выступала в роли «падчерицы», а институциональная структура и система подготовки кадров находились в полном соответствии с низким социальным статусом этой дисциплины.

Большевистский модерн-проект, востребовав науку и научное знание, позволил реализовать экспертный потенциал этнографии в этнополитических практиках, что стимулировало бурный рост этнографических институций и спровоцировало «бум» этнографического образования. Но рост был ситуативным, а «золотой век» [4, с. 154] отечественной этнологии ограничился 1920-и годами.

В позднюю советскую эпоху «река вернулась в свои берега»: власть дистанцировалась от гуманитарного знания, не нуждаясь в его экспертном потенциале (или не доверяя его качеству). В подобной ситуации институциональный каркас этнографии и система подготовки профессиональных этнографов не имели шансов к расширению масштабов, а институционально-кадровый потенциал «советской этнографии» поддерживался исключительно благодаря государственному патернализму, породившему уникальную ситуацию, когда наука существовала ради науки.

В России XXI века в ситуации фундаментального пренебрежения наукой со стороны государства=общества, отказа от использования экспертного потенциала этнологии/антропологии в полиэтнической и поликультурной Российской Федерации, даже ныне действующая институциональная структура данной дисциплины представляется избыточной и обречена редуцироваться в обозримом будущем.

Подготовка профессиональных кадров. Несмотря на скромные масштабы подготовки кадров, парадоксальным образом можно говорить о кризисе перепроизводства этнологов в нашей стране в ситуации их вопиющей невостребованности. Здесь уместно сравнение с 1920-и гг.: тогда выпускники этнологического факультета I МГУ оказались не у дел главным образом потому, что целевые установки факультета и структура учебной

подготовки не соответствовали реальному запросу со стороны государства и общества [4, с. 177]. Проблемы с трудоустройством и профессиональной самореализацией нынешних выпускников лишь отчасти связаны с неактуальностью и слабой инструментальностью подготовки, которую предлагают кафедры и учебные центры этнологии/антропологии. Главная причина невостребованности – отсутствие государственного/общественного запроса на лиц, получивших высшее (элитарное) образование, в более широком плане – отсутствие в стране внятных социальных ориентиров, практически не работающие социальные лифты и сжимающийся рынок квалифицированного труда.

Последнее обстоятельство неизбежно трансформирует мотивацию студентов, создавая причудливые конфигурации из эмоциональных и квазирациональных императивов. Если знания, получаемые в университете, практически невозможно продать и трудно предложить обществу даже на безвозмездной основе как гуманистический порыв, то можно попробовать просто получить удовольствие от принадлежности к университетской корпорации и антропологическому цеху. Будучи бессильны перед лицом неблагоприятных внешних социокультурных и экономических обстоятельств, студенты аккумулируют не столько знания, сколько положительные эмоции, эстетические ощущения от лекций, семинаров, общения с яркими интеллектуалами.

Вот интересное наблюдение за тем, как эволюционировала тематика выпускных квалификационных работ в бакалавриате/магистратуре кафедры этнологии МГУ. Традиционно силовые линии, вдоль которых группировалась их проблематика, составляли региональное (народоведческое), (этно)социологическое, (этно)психологическое, (этно)религиоведческое, (этно)политологическое направления, реже – историография, тео-

рия и методология. Решающим фактором выбора той или иной специализации оказывалась личность научного руководителя и круг его интеллектуальных интересов и полевых пристрастий.

Однако простой перечень тем бакалаврских ВКР и магистерских диссертаций, защищенных в 2020 г. на кафедре этнологии, поверг бы стороннего наблюдателя в изумление, ввиду невозможности определить их дисциплинарную принадлежность. Тематика ВКР слабо сопрягается со структурой кафедры и содержанием учебной подготовки, с трудом увязывается с интеллектуальными приоритетами научных руководителей, становится все более отвлеченной и беспредметной, отражая сиюминутные интересы и увлечения молодых людей.

Невозможно рационально обосновать легитимность претензий начинающих этнологов на освоение такой проблематики, как generation Z, ЛГБТ-движение, киберспорт, социальная стигматизация онкологических заболеваний, современные интерпретации средневековой музыки и т. д., а также убедительно продемонстрировать преимущества специфически антропологического, а не социологического, психологического или культурологического подхода к изучению этих феноменов.

Тексты студенческих выпускных сочинений апеллируют к так называемому полевому опыту, в действительности представляющему собой результат спонтанных наблюдений, сублимацию крошечного социального опыта. Полевой опыт предполагает наличие ясно очерченных дисциплинарных рамок антропологии, превращающих поле в антропологическое, знание профессионального исследовательского инструментария и умение им пользоваться, наконец, способность сформулировать исследовательскую гипотезу для верификации ее при помощи полевых практик. Но все это блистательно

отсутствует в подавляющем числе студенческих работ, где интуитивизм и эмоции преобладают над рацией, где полем объявляется сама жизнь, витальность с ее текучестью, сиюминутной изменчивостью, спонтанностью.

Выпускные работы очаровывают, не оставляя сомнений в искренней заинтересованности студентов, содержат яркие и точные зарисовки, остроумные суждения, но рожают связку вопросов. Чем это является, к какому жанру может быть причислено, какими методологическими принципами охватывается, из чего вытекает и какой логике подчинено? Главное, все это ставит под сомнение принадлежность такого понимания антропологии к научному знанию вообще.

Что сверху – то внизу. Подобный характер студенческого квазинаучного (квазиэтнологического) творчества не более чем отражение ситуации в профессиональном цехе.

Внутридисциплинарные проблемы. Возможны разные интерпретации современного положения этнологии/антропологии в России. Но большинство их носит алармистский характер. Состояние российской этнологии характеризуется как «аморфное, амбивалентное и гетерогенное» [2, с. 158]. И еще, «превращение антропологии в совокупность все более локальных и частных исследовательских программ разрушает ее как целостную дисциплину» [1, с. 30].

В зрелой научной дисциплине выделяются три взаимодействующих уровня: доктринальный, логико-дискурсивный (философский) и эмпирический. Доктринальный уровень – это мировоззренческая база научной дисциплины, не выводимая путем умозаключений, а декларируемая как набор базовых истин. В момент зарождения этнологии во второй половине XIX века ее мировоззренческий фундамент составлял сциентизм, исходивший из существования смысла истории и позна-

ваемости законов развития человечества, уповавший на универсальность прогресса. На исходе первой трети XX века, когда происходило становление советской этнографии, ее мировоззренческое основание составили «перезапущенные» ценности модерна (сциентизм, технократизм, рационализм, идея социального милосердия), адаптированные к новой идейно-политической и социально-экономической рамке. То есть досоветская и советская этнография имели общий ценностный фундамент.

Логико-дискурсивный уровень возникает в момент генезиса дисциплины изначально в качестве полемического диспута для отстаивания ее доктринальных принципов, но постепенно приобретает самооценность и собственную проблематику. Он задает дисциплинарный вектор и прокладывает дисциплинарные границы. Дискурс о «народности» (общественно-политический и научный) в XIX в. определил вектор исследовательского интереса – изучение народной жизни и сформировал предметное поле собирательской этнографии [4, с. 70]. Дискурс об «этноте» советской этнографии стал тем метанарративом, который позволил «охватить развитие этнической «субстанции» в длительной исторической ретроспективе, интегрировать традиционную и новую этнографическую проблематику, соединяя изолированные части в сквозной сюжет» [4, с. 278] и в итоге сформировать дисциплинарные границы этнографии как исторической дисциплины, изучающей народы-этноты.

Эмпирический уровень (поле) снабжает философский (логико-дискурсивный) уровень сырым материалом, который и становится объектом его рефлексии.

В постсоветский период произошло элиминирование доктринального уровня (отказ от любого метанарратива и ценностный релятивизм де-факто был подго-

товлен еще в позднюю советскую эпоху) и ослабление логико-дискурсивного уровня (размыты предметные рамки, фрагментировано коммуникативное пространство, отсутствуют концептуальное единство и конвенциональный язык). Фактически этнология оказалась в состоянии «постдисциплинарности» [3]. Наиболее заметным проявлением этого статуса является разрушение ее предметной определенности, даже если иметь в виду узкое понимание «предмета», как совокупности исследовательской проблематики.

В подобной ситуации эмпирический уровень (поле) оказывается в основе доктринального авторитета, пытается его заместить. Именно этнологи, по моим наблюдениям, грешат тем, что мистифицируют полевую работу, приписывают себе обладание неким сокровенным знанием, недоступным кабинетным исследователям. Что же это за знание, более тайное, чем сама тайна?

Отношение социологов, культурологов, политологов к полю выглядит более прагматичным и эмоционально спокойным. Вероятно, благодаря наличию предметной определенности и ясному пониманию объекта(ов) исследования. Складывается впечатление, что этнологи/антропологи пускают своеобразную дымовую завесу, маскирующую серьезный кризис профессиональной идентичности и размывающиеся контуры этнологического поля. Ведь если объектом изучения объявляется не этническая субстанция, а любой культурный и/или социальный феномен, то практически невозможно в научных аналитических категориях схватить и обосновать специфически антропологическую оптику восприятия, описания и анализа данного феномена. Глобальные претензии антропологов на изучение социальной и культурной ткани современного мира явно нарушают дисциплинарные границы целого ряда социогуманитарных научных направлений, профани-

руют их инструментарий, присваивают их профессиональную терминологию. Все это может иметь под собой только эмоциональное, но никак не рациональное обоснование.

Что необходимо для кардинального изменения ситуации в отечественной этнологии/антропологии? В своем анализе я исхожу из категорического неприятия статус-кво и попыток психологически интернализировать глубоко ненормальную и нездоровую «новую научную нормальность».

Во-первых, новая институциональная среда, соответствующая времени (возможно, ее основание составит западная система исследовательских институтов при университетах).

Профессиональное образование придется созидать с чистого листа, и это, во-вторых. Европейская наука выросла из средневекового университета, где ученый в лекциях излагал студентам основные положения собственных научных исследований. Необходимо инкорпорировать новейшие научные разработки профессоров и научных сотрудников – прикладные и фундаментальные – в содержание учебного процесса, обкапывая их на студентах и магистрантах. Это позволит обеспечить высокое качество и инструментальность университетского образования, гарантирует кадровую непрерывность и передачу традиции.

Я выступаю против разделения исследовательской и преподавательской сфер деятельности и за их разумный баланс. Убеждена, что ученому абсолютно необходимы коммуникация и взаимодействие не только с коллегами по цеху, но и со студентами. Через обратную связь с неопитами разрушается «слепота к привычному» (homeblindness); в попытках объяснения рождаются «терминированные неологизмы»; в реакции на наивно-главные вопросы оттачивается аргумента-

ция, благодаря чему и происходит кристаллизация исследовательской гипотезы или научной концепции.

В-третьих, ключевая внутридисциплинарная проблема – это восстановление логически-дискурсивного уровня отечественной этнологии/антропологии. Постдисциплинарный статус-кво не будет принят большинством представителей научного цеха в качестве новой нормальности, поскольку он слишком напоминает эвфемизм «стабильность», который используют для характеристики социально-экономических и политических реалий современной России. Подобно тому, как «стабильность» обозначает либо развитие, либо деградацию, статус-кво в этнологии/антропологии может означать движение вперед к созиданию новых очертаний дисциплины, или упадок и деградацию. В российском контексте ситуация в этнологии точно не выглядит оптимистически как новое качество диверсифицированного и деперсонифицированного научного знания.

Кто-то интерпретирует переход этнологии/антропологии на постнаучные и постдисциплинарные рельсы как революционный сдвиг. Если это и «революция», то она не имеет футуристического измерения. Скорее в соответствии с аутентичным значением латинского слова «революция» («возвращение, поворот назад») она влечет нас в прошлое, прямиком в донаучную эпоху, предлагая отвлеченный интеллектуализм средневекового ученого, истощающего себя compulsивными поисками «философского камня», формирующего картину устройства мироздания и утопию «идеальной науки» вокруг себя и под себя.

Прекрасная наука будущего, к созиданию которой придется приложить серьезные и непосредственные усилия каждого члена научного этнологического/антропологического сообщества, сможет развязать все

назревшие в профессиональной среде проблемы и противоречия. Ясное государственное целеполагание, императив модернизации (развития) страны, стабильное финансирование науки и системы образования, восстановление социального статуса и психологическая реабилитация лиц интеллектуального труда, массовый запрос (государственный и общественный) на этнологическую/антропологическую экспертизу составляют базовые условия подлинной научной нормализации. Только при этих условиях появятся внятные критерии – внутринаучные (саморефлексия профессионального сообщества) и внешние (экспертный потенциал, востребованность) – определения эффективности и эвристического потенциала различных исследовательских стратегий, методик и процедур.

Литература:

1. *Березкин Ю.Е.* Современные тенденции в антропологических исследованиях // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 17–27.
2. *Попов В.А.* Этнология, этнография, народоведение или антропология этничности? (номинативный аспект науки как отражение «революционных» перемен) // Революции светские, религиозные, научные. Динамика гуманитарного дискурса. Памяти д-ра истор. наук, проф. Г.Е. Маркова: сб. науч. ст. СПб.: Алетейя, 2018. С. 158–165.
3. *Соколовский С.В.* Будущее антропологии: кросс-, интер-, мульти-, транс-, а- или постдисциплинарность? // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 12–29.
4. *Соловей Т.Д.* Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004. 498 с.
5. *Функ Д.А.* Лекция в Национальном исследовательском Томском государственном университете «Почему Россия нуждается в антропологах?» 14.11.2018. // ТГУ. URL: http://www.tsu.ru/university/sovets/Academic_Council/seminar/2018/LectureFunkDA.php (дата обращения: 06.10.2021)
6. *Hayano D.* Auto-Ethnography: Paradigms, Problems, and Prospects // Human Organization. 1979. Vol. 38. № 1. P. 99–104.

Tatiana Solovey,

*Doctor in History, Professor of the Department of Ethnology,
Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow),
tsolovei19@yandex.ru*

«Faculty of unnecessary things»: Department of Ethnology of the Lomonosov Moscow State University in the post-scientific era

The article presents an analysis of the current state of Russian ethnology/anthropology, which the author characterizes in alarmist tones as post-disciplinary, meaning the destruction of the worldview level and a deep crisis of the logical and discursive level of ethnology. The author offers a generalized sociological portrait of an ethnologist researcher, whose mental and emotional profile consists of confusion in the face of economic problems, a crisis of professional identity and professional “burnout”.

Analyzing the situation in the system of training professional ethnologists on the example of the Department of Ethnology of the Lomonosov Moscow State University, the author naturally links it with the intra-disciplinary problems of ethnology/anthropology, as well as with the general social and economic situation in the country. In the absence of state and public demand for expert ethnological knowledge, specialists in ethnology and anthropology, graduated from the department, cannot find a job. The latter circumstance changes the motivation of young people receiving higher education, creating bizarre configurations of emotional and quasi-rational imperatives. Being powerless in the face of unfavorable external socio-cultural and economic circumstances, students accumulate not so much knowledge as positive emotions from belonging to a university corporation.

Keywords: ethnology; socio-cultural anthropology; ethnological education; Department of Ethnology of the Lomonosov Moscow State University; postdisciplinarity.